

СМЕХАЧ

№ 28
ИЮЛЬ 1928

№ 28
ЦЕНА 15 КОП.

ФОРМАЛИСТ

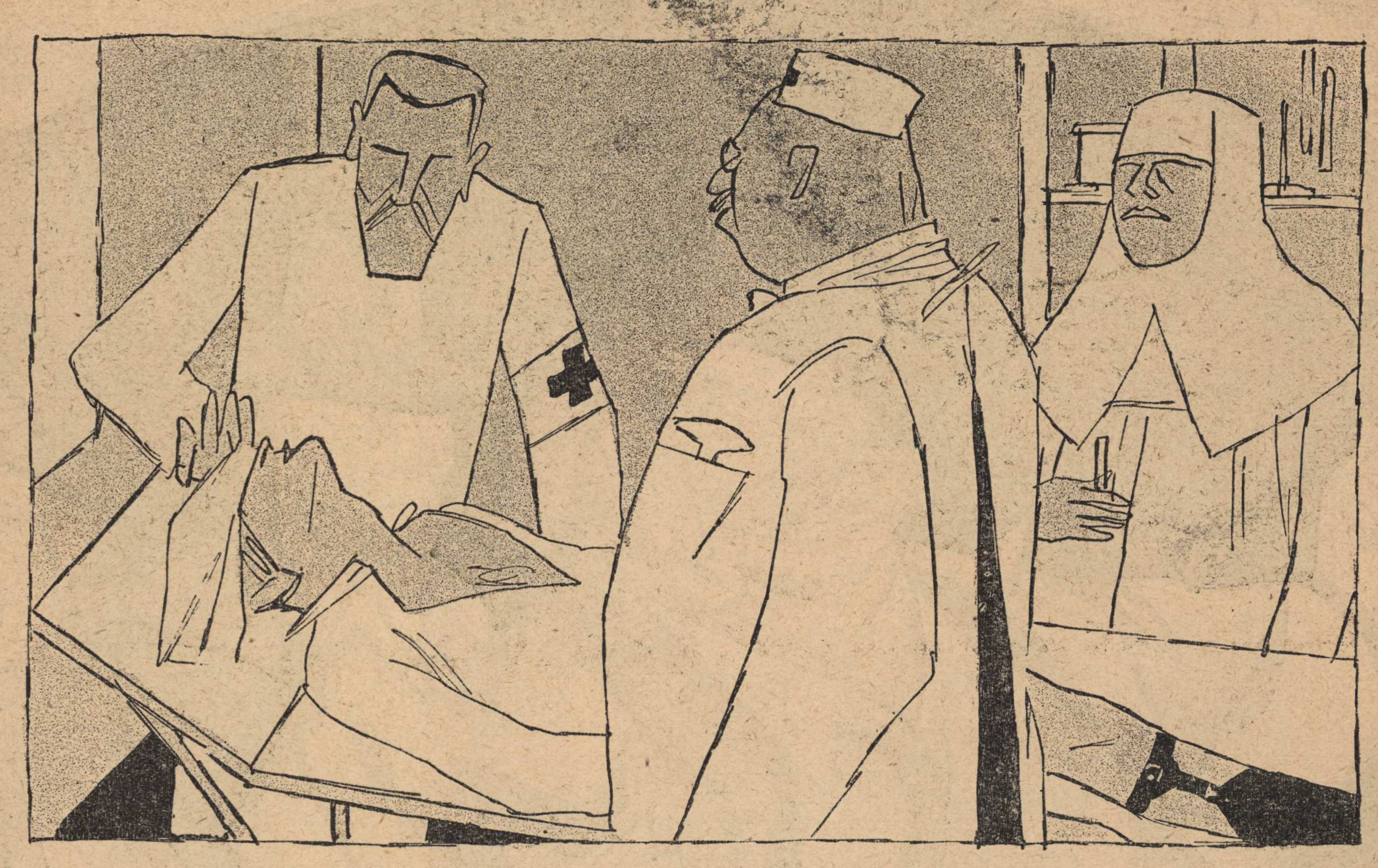
Рис. А. Радакова

— Что вы толкаетесь? Разве вы не знаете, что сейчас в порядке дня — культурная революция?

ТОЧНЫЙ ДИАГНОЗ

Рис. Л. Бродаты

В частных клиниках невероятные цены. За операции берут от 50 до 500 рублей.

Первый: — Гм... Придется, по-моему, его резать.
Второй: — А по-моему достаточно с него только шкуру снять.

ГРЯЗЬ

В истории некоего уездного российского города имел место следующий инцидент. Путешествующий знатный англичанин отметил в дневниках сей пункт, как центр русского кожевенного производства; это изумило горожан и было вообще необ'яснимо, ибо там была только одна кожевенная лавка, вывеска которой гласила, что «здесь продаются гужи, хомуты и другие с'естные припасы».

Когда стали выяснять недоразумение, все об'яснилось, однако же, очень просто. Возок, в котором ехал англичанин, застрял в грязи как раз напротив указанной лавки и невылазно пробыл там, несмотря на бешеные хлопоты возницы и добровольцев из публики, двадцать часов.

Знатный путешественник, дремля, почти сутки провел, таким образом, в этом океане грязи против лавчонки с гужами, будучи твердо уверен, что его везут по городу, сплошь усеянному аналогичными торговыми предприятиями; просыпаясь, он снова и снова видел гужи и хомуты, и они противоестественно множились в его глазах и создали, в конце-концов, представление о скромном местечке, как о гигантском центре кожевенной промышленности...

Право вписать этот фантастический случай в свою историю издавна оспаривают многие наши провинциальные города: Щигры, Краснококшайск, Елабуга, Сасово и другие.

В каждом из них вам в новой вариации расскажут, во всяком случае, об этом гужевом казусе и даже покажут лавчонку и грязь перед ней, в которой сидел англичанин.

Не последнее место в числе этих городов занимает и Волоколамск. Не знаю, застревают ли там теперь возки с путешественниками, и сколько времени прозябают они, увязши, в грязи перед исторической лавкой с хомутами.

Но жители, во всяком случае, намертво привязывают шпагатом сапоги к ногам или, держа башмаки в руках, бредут попросту босиком, когда осенью приходится переходить улицы: иначе обувь остается, чтобы быть поглощенной мгновенно, в застарелой, чавкающей и глубокой, как трясина, грязи немощеных дорог и тротуаров.

Родные, знакомые картинки! Чертыхаются, пробираясь вдоль заборов, одинокие пешеходы, выбиваются из сил завязшие лошаденки на углах, бранятся возчики, блаженствуют свиньи и гуси в лужах, напоминающих по размерам швейцарские озера... Грязь, невылазная, ужасающая, фантастическая российская грязь!..

Недавно в местечке Каменке, Пензенской губернии, погиб актер гастрольной труппы Милов. В местной газете о нем написали, что его жизнь была красива и интересна, а погиб он, став жертвой нераспорядительности благоустроительной секции комхоза. Туманная заметка осталась нерасшифрованной.

На самом деле актер **утонул в грязи** в самом центре местечка, против кооператива «Универсал». Шел человек вечером, оступился впотьмах, попал в лужу, и лужа засосала его с головой. Снятся ли нам, москвичам, такие уличные происшествия?

Так вот о Волоколамске.

Местный горсовет принимает героические меры по очистке города от грязи, в которой он коснеет со времен путешествия названного знатного иностранца. Милиция, обследуя владения и беспощадно атакуя нарушителей чистоты, заглянула, между прочим, и в усадьбу, где живут сотрудники местной прокуратуры.

Ко всему привыкшие милиционеры пришли в ужас, увидев мерзость запустения, которая там царила; помимо хлама и мусора, грандиозные и древние пирамиды которого имели здесь датой основания еще очаковские времена, помимо дикой грязи, в которой утонули даже цыплята, — прокурорский двор сплошь покрывали еще, как поле орошения за городом, следы человеческих испражнений.

Видимо, люди давно забыли здесь о существовании уборной и прочих культурных предрассудков в усадьбе; они не считали даже нужным выбирать для этих своих больших и малых дел укромные и скрытые от постороннего глаза уголки, но, твердо усвоив золотое правило, что в своем отечестве стесняться нечего, превратили в сплошную зловонную свалку весь двор.

Непонятно было, как сами они не задыхались в ароматах, распространявшихся отсюда по всей улице.

Конечно, составить протокол милиционер не рискнул, но, зайдя в дом и взяв под козырек, почтительно спросил у товарища прокурора, не сочтет ли он возможным и целесообразным принять меры по приведению своей усадьбы в удобный для человеческого жилья вид.

— И так обойдется! — зевнув, равнодушно сказал прокурор: — впрочем, я распоряжусь.

Проходили, как говорится в кинематографических либретто, дни, но грязь и нечистоты попрежнему затопляли прокурорский двор. Милиция зашла раз, зашла два: беспокоить высокое начальство дальше было небезопасно, и старший милиционер подал рапорт по начальству, прося указаний, как в данном щекотливом случае надлежит поступить.

Горсовет письменно обратил внимание прокурора на антисанитарное состояние его двора; называть вещи своими именами в официальном отношении было неудобно, и в бумажке, составленной в нейтральных выражениях, относительно двора было указано, что он «до последней степени занавожен».

Прокурор долго не отвечал. Прокурор был оскорблен. Прокурор обдумывал, накопляя яд, ответ, который соответствовал бы высокому достоинству руководителя ведомства и хозяина резиденции уездной фемиды. Наконец, язвительная бумажка была составлена. Она кратко гласила:

«Сообщаю, что сотрудники прокуратуры по своей природе не в состоянии занаваживать двор».

В горсовете в недоумении развели только руками. Что же это за странные волоколамские прокуроры, раз и навсегда освобожденные природой от необходимости заглядывать в учреждение с маленьким фасадом хотя бы по утрам?

Почему о них не шумит наука? Почему их за деньги не показывают в паноптикумах? И кто же является, в таком случае, автором многих пахучих произведений, сплошным ковром устилающих прокурорский двор?..

Не знаем, вступил ли горсовет, выясняя эти загадочные обстоятельства, в дальнейшую переписку с остряком-прокурором.

Во всяком случае, волоколамские граждане попрежнему стараются стороной обходить прокурорскую усадьбу, а уж если случится обязательно итти мимо, то, зажав нос платком, до неприличия ускоряют шаг. Прокурор попрежнему игнорирует, как буржуазный пережиток, учреждение в уголке своего двора; народная тропа туда поросла мхом десятилетия.

Но, если вечером вам случится увидеть, как, прыгая по камням, разбросанным, чтобы можно было пройти, средь моря грязи и нечистот во дворе, — прокурор выходит из дому, не сомневайтесь: он спешит на собрание.

В Волоколамске он основной и неизменный докладчик о путях и формах культурной революции, необходимым элементом которой является культурность в быту...

А. Зорич

ОН СТРОИТ

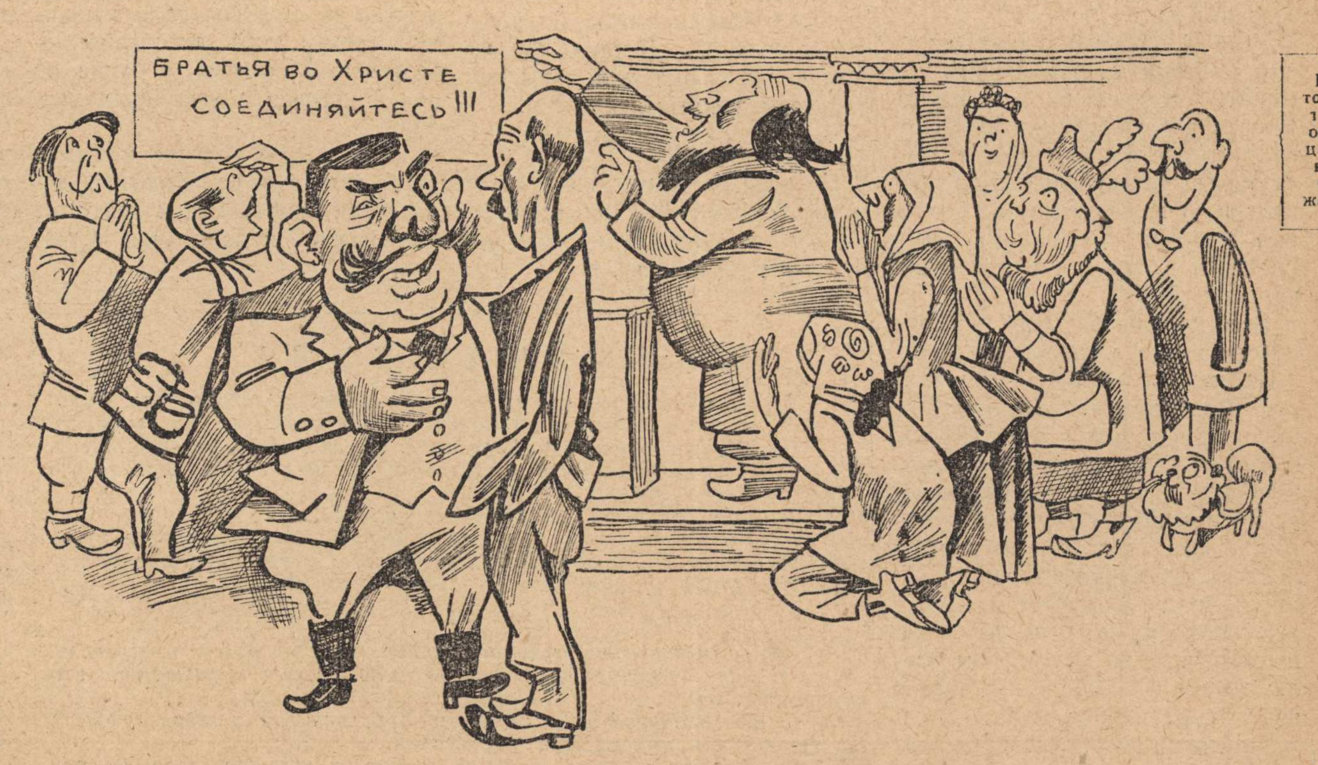
Весь в заботах о грядущем благе,
Он идет стопою твердой к цели:
Презирая стройку на бумаге,
Вдохновенно строит он на деле.
В нем ни тени дряблого безверья.
Он поет и держится героем:
— «Да, родные, убежден теперь я,
Хоть и трудно, все-таки построим!
Пусть пред нами грозная стихия, —
Победим — сказать могу заране!
(Потому как нынче не плохие
Предпосылки завелись в кармане).
Пусть от волн порою веет жутью, —
Не удастся нас во век стереть им.
Будет час — и смело (голой грудью!)
Буйный натиск мы, ликуя, встретим!»

И везет, исполненный отваги,
По ухабам бодрых будней тачку.
Ибо строит он не на бумаге,
А на пляже... для семейства дачку.

Альми

НАДЕЖДА ПИТАЕТ НЕ ТОЛЬКО ЮНОШЕЙ

Рис. А. Радакова

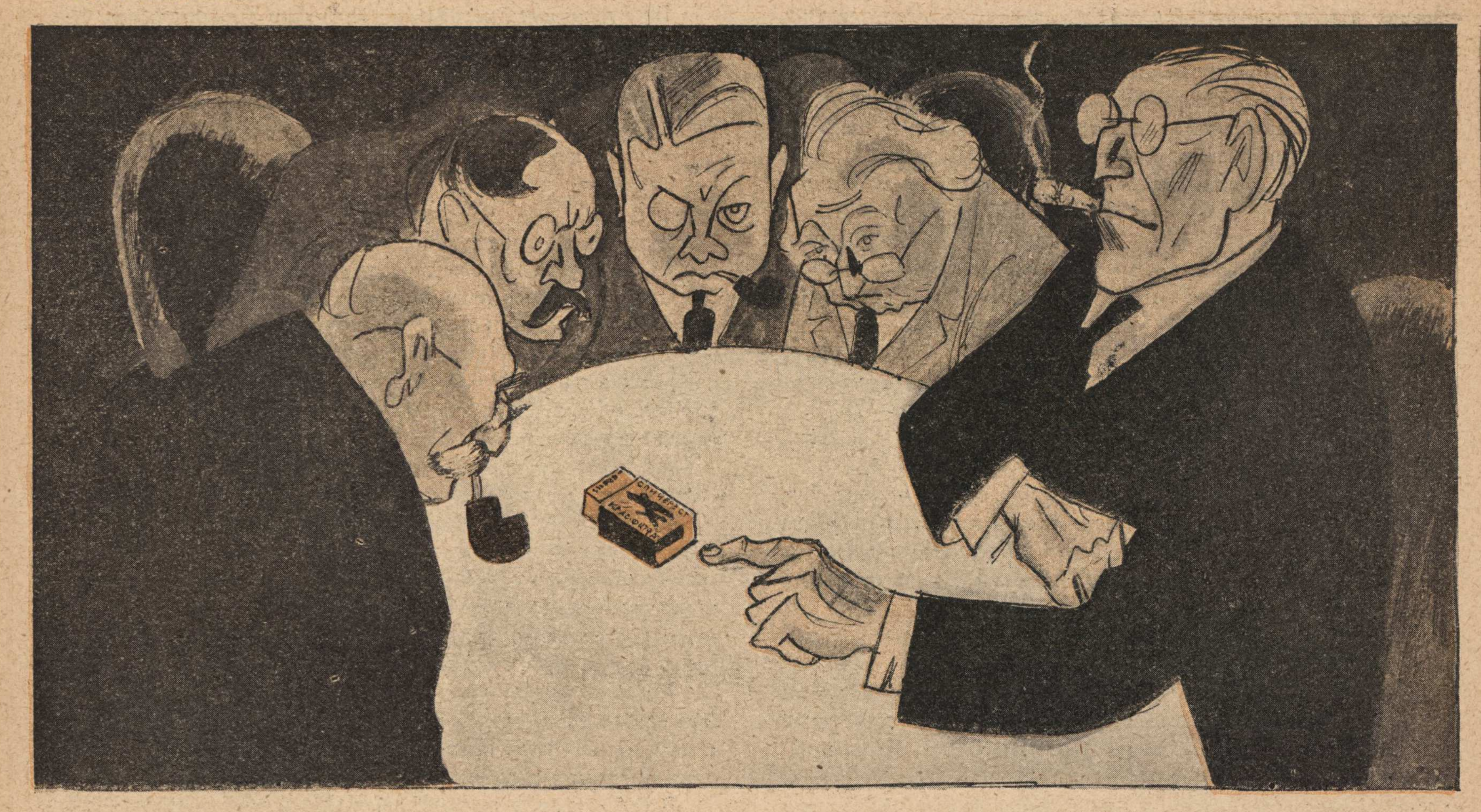

В некоторых сектантских организациях приютились бывшие жандармы

— А вы что здесь делаете, полковник: тоже искушаете себя постом?
— Нет-с... Только — надеждами на пост в будущем.

«РУКА МОСКВЫ»

Рис. В. Козлинского

— **Теперь вы, надеюсь, видите, что русские хотят поджечь Англию?!..**

ЮБИЛЕЙНЫЙ ОБЕД

Один из моих знакомых, большой любитель старины, задумал устроить вечер воспоминаний о голодных годах революции.

В программу вечера он включил: юбилейный обед и воспоминания участников и свидетелей голодных лет.

Угостить гостей просто хорошим обедом с шампанским он считал делом слишком обыкновенным для такого исторического праздества. Он решил сделать обед исключительно из продуктов, фигурировавших в голодные годы, и вообще весь вечер провести в стиле и в духе того времени.

Вот как рисовалось ему это историческое «меню»:

На первое блюдо — пшеный суп под девизом: «крупинка за крупинкой гоняется с дубинкой», мутно-молочного цвета с бледными блестками селедочного рассола вместо масла. Затем два вторых блюда: одно — мясное — котлеты из картофельной шелухи с кониной (¼ фунта на взрослую карточку и ⅛ на детскую), поджаренные на касторовом масле; другое — рыбное — жареная вобла, сорт «карие глазки» и селедка с душком (¾ фунта по академическому пайку) в чечевичной размазне.

На сладкое по стакану крепкого морковного чаю с сахарином и пирожки из овсяной муки с яблочным повидло (¼ фунта на детскую карточку из консультации).

К обеду, разумеется, вино. Для дам — самогон-первач и тройной одеколон. Мужчинам — покрепче: спирт-сырец, ханжа, бензол и ликер-политура. К двум последним винам клюквенный морс, как у англичан содовая к виски.

Это все, что касается блюд.

Но обед исторический требует и соответствующей обстановки. Ее намечено провести с большим чувством вкуса и стиля.

А именно: все кушанья должны подаваться горячими, непосредственно с миниатюрной «буржуйки», подтапливаемой ножками венского стула и полочкой этажерки. Электрическое освещение должно отсутствовать. Гостиная должна освещаться светильниками первых дней революции — веревочный фитиль в банке из под консервов с машинным маслом.

Температура воздуха не выше 4—5 градусов по Цельсию, дабы гости приступили к обеду, не раздеваясь и не снимая перчаток.

После обеда курящим будут предложены сигары марки «а-ляольховый лист» и «собачьи ножки» из доморощенной махорки. Для дам — дамское угощение, сладости: вареный сахар на молоке и орешки из льняных жмыхов.

Форма одежды — исторически-юбилейная. Дамы — в платьях из гардинного плюша зеленого и оранжевого цветов, мужчины — в толстовках из мешечной парусины. Обувь — суконные туфли собственной работы и валенки с подметками из войлока. Желательно для соблюдения исторической верности мужчинам иметь за спиной продуктовые мешки на манер альпийских, а женщинам в руках продуктовые корзины (и то, и другое на случай неожиданной выдачи мороженой картошки!).

— И что же? — спросите вы, об'ятые любопытством, — состоялся этот юбилейный вечер у вашего знакомого?

— Нет, представьте себе, не состоялся. Мы с приятелем обегали весь город, мы обошли всех своих знакомых и все-таки не могли достать всего ассортимента допотопных вещей для задуманного нами вечера.

А вы все жалуетесь, скептики проклятые! *Ф. Грошиков*

ВСЯКАЯ БУЗА

Напрасно думают, что птицы могут заклевать кого-нибудь. Скорее это сделает железнодорожное начальство. Так, например: На 21 участке пути Сев.-Кавк. ж. д. все еще очень не любят птиц. Если железнодорожник расстарался и завел сотню кур, то на него уже косо смотрят.

— А не сократить ли тебя, товарищ!

И может быть право начальство! Лучше, говорят, строить куры, чем разводить их. Кому нужны эти странные птицы, несущие болтунов, этот столь вредный элемент в эпоху самокритики?

❖

Все организации принимают живое участие в деле распределения студентов-практикантов. Вот как выражается это живое участие:

В Новгородской губ. студентов-практикантов заставили жить за отсутствием помещения в мертвецкой.

Не спорим, закалять нервы у молодежи, конечно, надо, но при таком способе закалки любой вузовец обидится:

— Не желаю проводить время в обществе разложившихся элементов! — скажет такой вузовец и будет прав!

СПЕЦИАЛ-ПРЕДАТЕЛЬ

Спец!
В этом слове вы услышите пре-
зренье
И недоверие, звучащее всегда.
Ты, мол, не наш!
Ты—так!
Стороннее явленье!
Случайный спутник нашего
труда.

Года идут.
Республика Советов
Растет и крепнет стройкою
чудес.
Года идут.
Спецов в помине нету!
Растаял спец?
Рассыпался?
Исчез?

Нет!
В шуме этих дней,
В порыве этой стройки,
Когда былые дни, как облетев-
ший лист,
Остался с нами преданный и
стойкий
Товарищ наш—
Специалист!

В песках,
в пустынях,
в шахтах
и в болоте,
Деля победы, радость и беду,
Специалист—
Товарищ по работе!
Специалист—
Соратник по труду!

Но есть другой! —
Пронырливый и злобный,
Он мстит за прошлое.
Он—
весь обман и ложь.
Он,
улучив момент удобный,
Товарищам вонзает
в спину
нож!

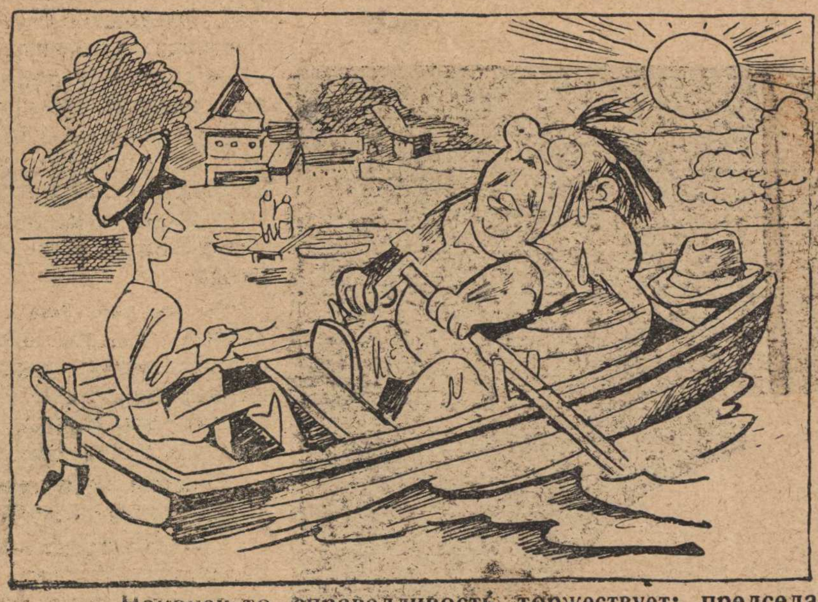
В песках Туркмении!
В Донбассовских просторах!
Победных маршей замедляя
шаг,
Не с нами он.
Он—
тот,
который...
Он нам не друг!
Он—
враг!

Но в разговоре,
в речи ли,
в печати-ль,
Мы не смешаем тех, кто гря-
зен и кто чист!
Один—товарищ наш
специалист,
Другой же—
специал-предатель!

Андрей Иркутов

КАЛИФ НА ПОЛ-ЧАСА...

Рис. А. Радакова

— Наконец-то справедливость торжествует: председатель на веслах, а я — у руля!

ОСТОРОЖНЕЕ НА СТРАНИЦАХ!

Не раз уже появлялись статьи о газетных заголовках, рекомендующие воздержаться от излишней крикливости. Мы предлагаем вниманию газетных работников ряд примеров-заголовков, страдающих излишней крикливостью, а также не соответствующих духу содержания заметки. Полагаем, что эти краткие примеры в состоянии заменить подробное руководство.

СМЕЛИ МОЩНЫМ УДАРОМ!

Среди приезжих строителей к сожалению иногда замечаются пьянство и драки. На-днях, двое пьяных строителя, затеяв драку с третьим, сбили его с ног и сбросили в канаву.

КЛАССОВЫЙ ВРАГ СТАВИТ ПРЕПЯТСТВИЯ!

В дачном поселке Крысятино, частник Хипурин около своей лавочки расставил скамейки, мешающие гуляющей публике.

К ОТВЕТУ ВИНОВНИКОВ!

Наступившая было теплая погода сменилась похолоданием. Сегодня утром было не более девяти градусов.

ВСЕ НА БОРЬБУ С ИВАНОВЩИНОЙ!

Вчера, утром, переходя линию трамвая на углу Мясницких ворот, гр. И. Иванов сломал ногу.

ЧЬЕ ПОПУСТИТЕЛЬСТВО?

Во время земляных работ в районе Лосино-Островского проспекта найдены на глубине семи футов кости мамонта.

БОЛЬШЕ РАЗОБЛАЧЕНИЙ! МЫ ЖДЕМ!

Большинство отдыхающих на пляже подвергаются солнечным ваннам в совершенно закрытых купальных костюмах, не позволяющих солнцу проникать в поры кожи.

Егор Спиноза

КСТАТИ О ТЯГЕ

Рис. Б. Малаховского

В провинции было уже несколько случаев привлечения за чрезмерные затраты на ремонт.

— А тяга у вашего автомобиля большая?
— Еще бы. Из-за последнего ремонта и меня к суду притянули!

ЕЩЕ НЕМНОГО

(Конкурс «Смехачины»)

Нежность проснулась только у одного безымянного остряка из Костромы, который свои ответы прислал с трогательным, хватающим за душу началом:

— «Здравствуй, милая, хорошая редакция, косолапочка длиннозубая. Прими ты ответы мои...»

В конце ответов редакция названа еще трогательнее: козолупочкой. Тронутые лаской безымянного друга-остряка, мы быстро перешли к последующим письмам-ответам, но здесь нас ждало глубокое разочарование.

Вот горько усмехающийся *А. Сабинин из Калуги*:

— Почему ночью все кошки серы?

«Я котом не был — не знаю».

Вот *Г. Дорохов из Воронежа*, признающий даже в ответах на «Смехачину» только наполеоновский стиль:

— «Я думаю и пишу так. На вопрос: «Кто сам себе враг» я пишу: «Самокритик».

Таким тоном, наверное, должен был разговаривать фараон Хеопс, отдавая распоряжения по окраске и оштукатурке очередной пирамиды. Но мы терпим.

Пусть говорит Дорохов из Воронежа.

Но еще суровее его *С. Я. Рабинович* из Харькова. Он решительный враг фамилий для зайцев.

— Почему у зайцев нет фамилии?

— «Зайцы — отвечает С. Я. Рабинович — не пьют, в районе не ночуют, а потому им фамилия не нужна».

Более веские, но еще более неожиданные доказательства по этому вопросу приводит *Андр. Шевченко* (повидимому однофамилец поэта Т. Шевченко) из сл. Ольшаны:

— «Почему у зайцев нет фамилий?» Чтобы путаницы не было. А то скажет какой-либо охотник: «А я Иванова Петра застрелил». И упекут беднягу. Доказывай потом, что Иванов — заяц».

Действительно, положение может создаться очень затруднительное.

Я. Бедельян из Нахичевани не столько острит, сколько высказывает нам общественное недоверие, и на вопрос:

— «Почему ночью все кошки серы?»

Отвечает возмущенно и категорически:

— «А вот у меня кошка, так она и днем серая».

Очевидно, если гр. Бедельяну кто-нибудь советует:

— «Не в свои сани не садись», он, наверное, всегда отвечает таким-же недоверием:

— А вот я однажды сел и ничего страшного не случилось.

Впрочем, проблема кошачьей серости затронула не только гр. Бедельяна. Его сосед по ответам — *Г. М. Автаев из* Иваново-Вознесенска, такими меткими и сочными фразами разрешает поставленную «Смехачиной» заячью и кошачью проблему:

— «Почему у зайцев нет фамилий?»

— «Они ездиют у всех поездах под общей фамилией».

Как видит незаинтересованный читатель и заинтересованные остряки, — для премирования среди присланных ответов материала немного маловато. Подождем следующих присылов. Время терпит. Пусть потерпят и очередные остряки.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫЙ

Рис. Л. Бродаты

— У вас родится сын-артист.

— Начну сейчас-же для него хлопотать о пенсии, — глядишь, к старости как раз получит!..

ОБЫЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Было это в доме отдыха совторгслужащих под Сочи. Наступила ночь. Вышел ответственный работник Родионов из освещенного белого здания с настежь распахнутыми в духоту окнами... Взглянул он на сверкающие наверху кулоны созвездий... Вдохнул он разогретые чернила душистого воздуха... И стало Родионову как-то не по себе: и хорошо и грустно в одно и то же время! Вдруг захотелось ему встряхнуть с себя груз привычных забот и мыслей, не быть будничным перед лицом этого могучего мира! И потянуло его к людям.

А так как донеслись до него в это время, из бархатной тьмы под деревьями, людские голоса, то направился Родионов туда и, натолкнувшись раза три лицом на жирные листья то-ли банана, то-ли еще какой-то южной чертовщины, нащупал, наконец, скамейку и сел, прислушиваясь.

Говорил неподалеку высокий мужской голос и говорил, дрожа от возбуждения:

— Ю-уг! Юг — что, братцы?! Мне на юг — вот! Наплевать! Я свою Маросейку на юг в жизни не променяю! Как проснешься здесь утром, как взглянешь на это море... Да на что ты мне, думаешь, далось! Невидаль какая, что в тебе — купаться! Да знаешь ли ты, что пока я в тебе барахтаюсь, в Москве даже и с нахальством ни в один трамвай не попадешь?.. И почему не попадешь? Потому что спешат люди на работу, на рабо-о-ту, а не на что-нибудь!

Ответственный работник Родионов откинул голову и слушал, следя за падающими звездами, оставляющими за собой такой же след, как отсыревшая спичка на коробке.

— Эх, братцы вы мои! — продолжал тот же голос. — И до чего человек сам себя может довести! Вылезешь этак на песок, закроешь глаза, а сам представишь себе, будто входишь в главную бухгалтерию. И до того живо это себе представишь, что кажется, будто это и не море — ну его! — верещит, но арифмометры жужжат! Так бы вот сел бы и ручку бы повернул!

— Затосковал! — раздался внезапно около Родионова голос незамеченного им до сих пор человека.

— Н-да! — ответил тот. — Новый тип рядового работника! Преданность... удивительная!

Голос между тем продолжал:

— Ночь вот сейчас. Теплынь. Звезды... А на что? Смотрю я на них и одна это, между прочим, фантазия! А сейчас бы на Маросейке... Оборотная ведомость — раз... Квартальный отчет — два... На счетах — щелк-щелк...

⁂

После минутного молчания послышался зевок, и чей-то бас из темноты произнес:

— Балда вы, Иван Никитич! Нашли о чем соскучиться!

Тогда Родионов встал, встряхнул с себя очарование южной ночи и выступил так, как считал должным.

— Нужно, чтобы все любили так свое дело, товарищи! — говорил он в темноту. — Жалко, что это такая редкость, товарищи! Ни от одного из своих работников я, к сожалению, никогда ничего подобного не слышал! А это — залог успеха, товарищи! Нам бы побольше таких работников, побольше бы! Вы где работаете?

На этот вопрос сначала последовало молчание, а потом смешок обладателя баса.

— Да они... гым... безработные они! Уволены, говорю, по несоответствию, потому и размечтались...

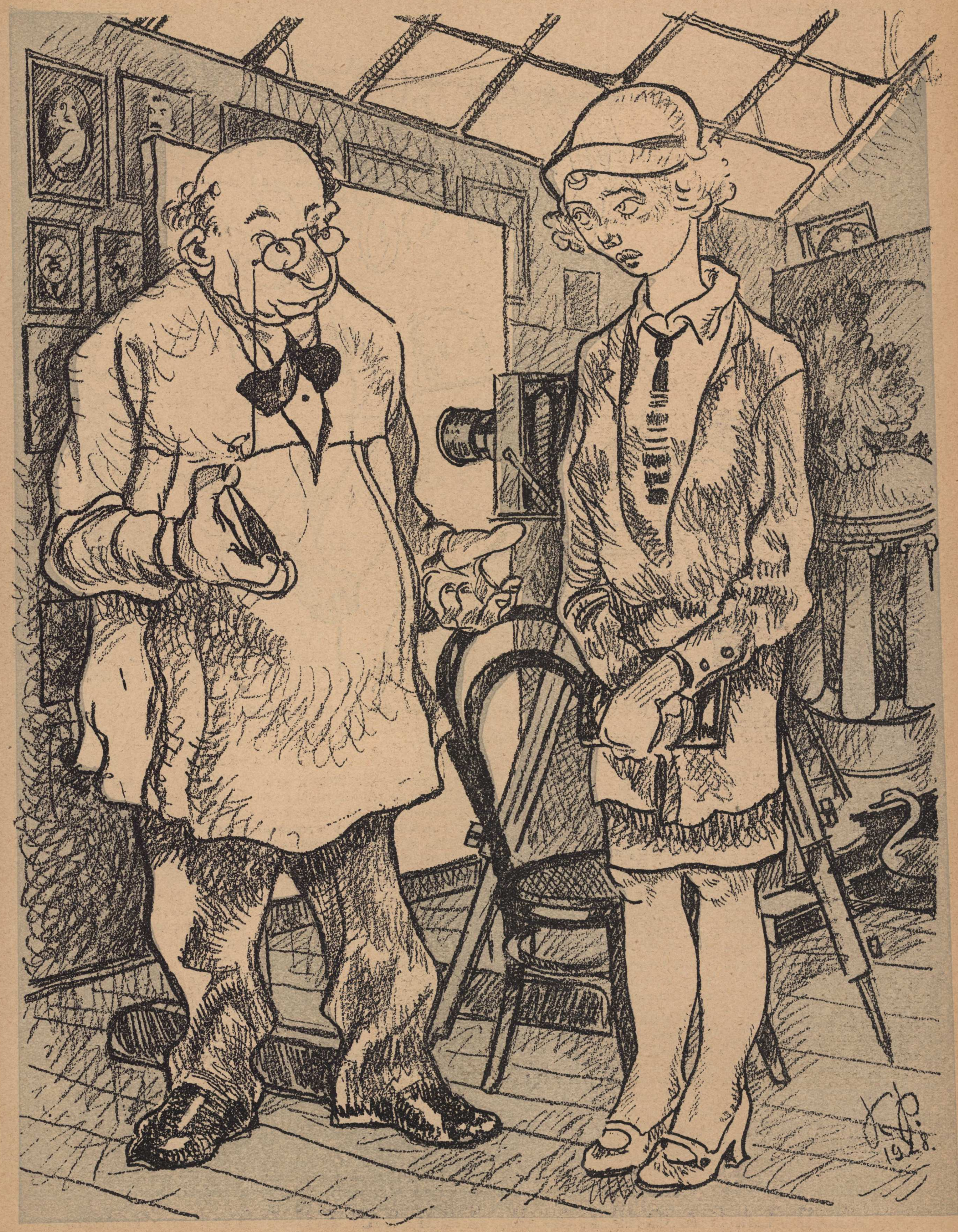
В. Авилов

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР «СМЕХАЧА» — СПЕЦИАЛЬНЫЙ:

О ПЛАВАЮЩИХ И ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ

У ФОТОГРАФА

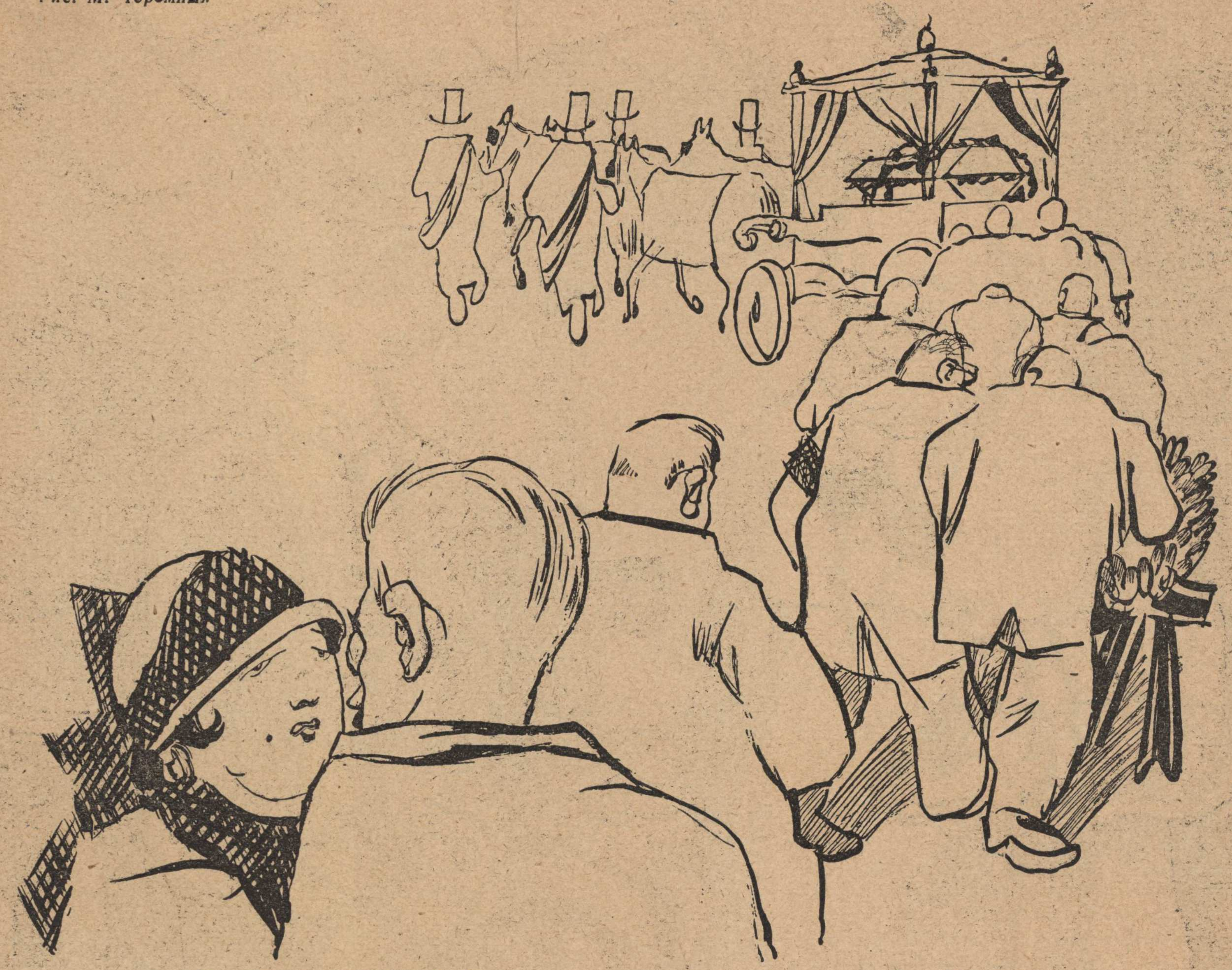
Рис. К. Ротова

— Вам какие карточки? Будуарные, кабинетные?
— Не-э... зачем так шикарно? Мне для проходной комнаты только.

ДЕЛОВОЙ ВОПРОС

Рис. М. Черемных

— А семье-то интересней будет, если его сожгут вместо погребения?
— Почему же?
— Ведь, он недавно застраховался от огня!

ШЛЕЙФ

Когда на сцене играют молча, в зрительном зале громко разговаривают, то это уже не театр, а кино.

Шел общественный просмотр новой картины. Товарищ Тараканов — старый клубный работник — сидел в мягком кресле и фыркал:

— Заваль! Не возьму! Нам картину боевик подавай. А такой ерундопии ни почем не надо!

— Товарищ Тараканов! — возмутился сосед прокатчик. — Это форменное безобразие. Вам ведь картину даром после общих собраний ставить?

— Даром. После общих собраний...—эхом ответил Тараканов.

— А даровому коню в зубы не смотрят...

— Еще как смотрят! Прошли, милый, счастливые дни Аранжуеца, Прэнса, Франческо-Бертини и Демисезонского... Народ теперь оч-чень грамотный пошел и с докладом, да особенно еще международным, ни за какие каплюшечки на эту дрянь не притопает...

— Разборчивые стали?

— Еще как! — вздохнул Тараканов и растегнул жилетную пуговицу. — Дела иные явились... Эх, помню в осьмнадцатом году массой на общие собрания шагали. Яблоку некуда упасть. На улице мороз, а у нас жарища, хоть клуб три месяца нетопленный тоже...

В двадцатом году кое-кто сдавать уже стал. Довелось после «текущих дел» давать чай с монпасинкой и Прэнса. Ничего, с этим соусом трехчасовую повестку дня с'едали! Старая, престарая картина с Прэнсом. На каждом сантиметре рвется. Прэнс бегает, бьет сервизы головой, а зрители сидят и смотрят, сидят и смотрят...

Тараканов вздохнул еще глубже, отчего вторая жилетная пуговица растегнулась сама собою.

— Дальше хуже! Прэнса мало. Дай им Франческо-Бертини в обстановочной драме и автора-юмориста Демисезонского в дивертисменте... А нынче публика после собраний оперу требовать будет и миллионный американский боевик...

— Культурная революция! — поддакнул сосед.

— Вот именно! Давеча стоят у клубной афиши и торгуются. Вопросов в повестке, говорят, целых шесть, еще докладчик этот тянучка Бахутов будет, а в дивертисменте ни одного заслуженного артиста... Раз Бахутов на одной чашке, так им на другую для равновесия Собинова подай... Халтурным червяком их на собрание теперь не заманишь. Переросли! Теперь у нас концерты и повестки дня, как хвост у павлина: цветистее головы... Читал я как-то, что отруби у ящерицы хвост, она живет, а у нас без хвоста этого на собрания никто не подумает итти. И тащится, тащится этот шлейф... А особенно сейчас летом!..

Зажгли холодный свет, киноартисты словно ушли куда-то за занавес-полотно. Соседка справа с перекрашенными волосами сказала Тараканову:

— Шлейфы? Теперь платья короткие носят. Вот какие!.. Шлейфы не в моде!

Показала открытые до коленных чашечек ноги в телесного цвета чулках.

— Надо будет действительно обрезать этот шлейф, — пробормотал Тараканов. — Перекроить повестку дня и ораторов-докладчиков. Да об этом, впрочем, уж и газеты пишут.

Он вынул из кармана «Правду» с отчеркнутым красным карандашом предложением:

НАДО РЕШИТЕЛЬНО ОТДЕЛИТЬ ДЕЛОВЫЕ СОБРАНИЯ ОТ ЗРЕЛИЩ. ПУСТЬ НА ПЕРВОЕ ВРЕМЯ УМЕНЬШИТСЯ ПОСЕЩАЕМОСТЬ СОБРАНИЙ. ЭТО ЗАСТАВИТ С БОЛЬШИМ ВНИМАНИЕМ ОТНЕСТИСЬ К ВЫБОРУ ПОВЕСТКИ ДНЯ.

Вл. Тоболяков

НА ПЛЯЖЕ

Загораете?

— Мерси, загораю. Только ничего не выходит — такой же белый, как и приехал.

— Ничего удивительного, Иван Петрович: многие за одиннадцать лет тоже белыми остались, а вы в один сезон хотите...

— Солнце, знаете, какое-то слабое...

— И не говорите. Довоенное куда лучше было! Не все пользовались... А теперь все на солнце полезли — на всех, конечно, и не хватает!

— И море какое-то нехорошее. Все волнуется.

— А ему, думаете, сладко? Изо дня в день его на вузовских экзаменах путают — проснулось Черным, а к вечеру оказывается, что Азовское, а на другой день чувствует себя Каспийским. Тут, знаете, не у моря только голова вспухнет. А как ваши дела?

— Благодарю — вполне нормально. Часть их уже у прокурора, а часть еще у следователя...

— А за что?

— Чисто общественное дело. Неудачно провел компанию...

— Какую?

— Из пяти лиц, я шестой! Все хорошо шло, а потом принципиальный разлад из-за выбора места: они хотели, чтобы я сел в тюрьму, а я им не уступал. А у вас тоже, кажется, неприятности?

— У меня? На почве доброты. Хлеб близкому человеку уступил — и за это тянут! Благородства не понимают...

— А кому это вы?

— Частнику на хлебозаготовке! Нельзя же отказать, когда человек за хлебом руку протягивает.

— А где ваш зять?

— Он в доме отдыха.

— В пригородной местности?

— Нет, в центре. Прекрасно поставлено. В девять все приходят, пьют чай, читают газеты, а в три уходят домой. А в середине лета — отпуск.

— Он что: специалист?

— Да, по глазным болезням. Сразу догадывается, кто из правления ничего не видит, около того и работает.

Евстигней Нырялов

АВСТРАЛИЙСКАЯ РЕФОРМА

Корреспондент «Таймса» из Мельбурна рассказывал, что на австралийских железных дорогах при отправке поездов

прежняя система отправлений после традиционных звонков или свистков заменяется простым поднятием правой руки обер-кондуктора. Рука поднята — и поезд тронулся.

Если бы ввели эту систему у нас, пассажиры, увидев поднятую руку, немедленно стали бы выносить резолюции, воздерживаться от голосования и, испугавшись возможных речей, убегали бы в буфет, предоставляя поезду уезжать без них...

МОСКВИЧИ НЕ ФРАНТЫ

Одному актеру перед самым выходом на сцену режиссер шепнул, чтобы он застегнул незастегнутые брюки.

— Оставьте, — огрызнулся тот на ходу — я же не франта играю...

Газеты раскрыли, что Москвошвей изготовляет брюки так, что одна штанина короче другой.

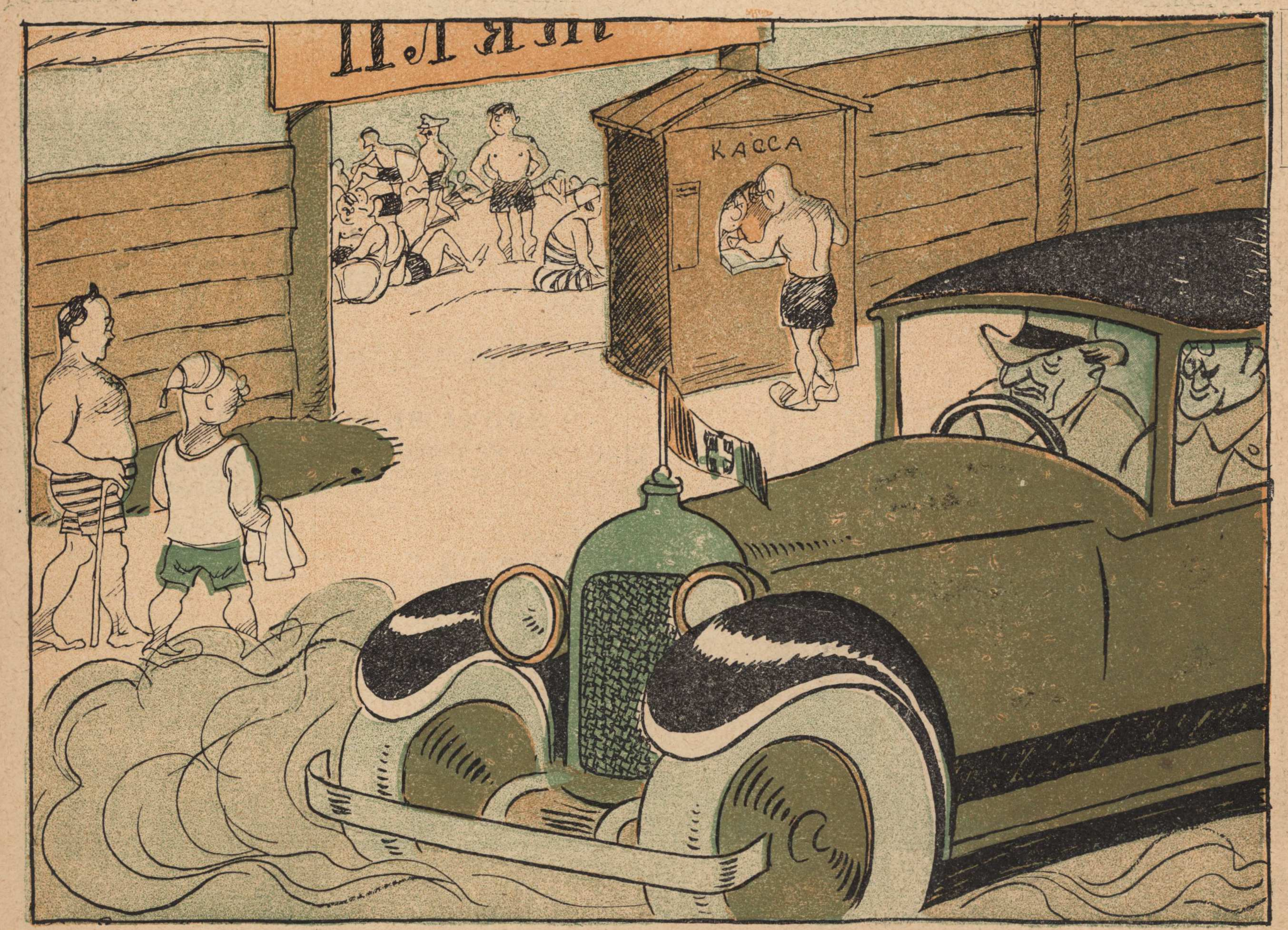
Теперь, на одном из районных собраний, представитель Москвошвея заявил:

— «Рабочая Москва», например, напечатала, что наши фабрики шьют брюки, у коих одна штанина на 10 сантиметров короче другой, но ведь это же неверно: если и короче, то не больше, как на полтора сантиметра.

— И действительно — выступим мы на защиту предыдущего оратора — если одна штанина короче другой на полтора сантиметра, то ведь за то другая на полтора сантиметра длиннее!

ВЕЗДЕ МОРЕ ДОРОГО...

Рис. Б. Ефимова

„Наша политика найти „выход к морю" стоила нам уже не мало денег". *Из польских оппозиционных газет.*

ПОЛЬСКИЙ ДИПЛОМАТ: — Смотрите, у них каждый платит за вход на море.
— Действительно, странно... У нас, по крайней мере, вся страна за выход к морю расплачивается...

ПРИРОДА НА ПОМОЩЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

(НЕ ХОДИТЕ К ВРАЧУ!)

Граждане! Если у вас острое малокровие—не ходите к врачу! Ни-ни! Пропишет железо, а в нас, можно сказать, природа вложила столько железа и разных этих металлов и минералов, что...

Да вот послушайте лучше:

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЧЕЛЮСТИ — есть у вузовца (грызет гранит).

ЖЕЛЕЗНЫЕ НОГИ — у почтальона (и у некоторых пассажиров трамвая).

ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ — у честного кассира.

ЖЕЛЕЗНОЕ ЗДОРОВЬЕ — у бюрократов (никак не передохнут все, проклятые!).

ЧУГУННАЯ БАШКА — у футболистов (особенно у центрхавбеков).

СТАЛЬНЫЕ НЕРВЫ — у кондукторов трамвая.

СТАЛЬНЫЕ МУСКУЛЫ — у трамвайных висельников.

СТАЛЬНЫЕ БОКА — опять-таки, у трамвайных пассажиров.

СТАЛЬНАЯ ШЕЯ — у многосемейного совработника, не сокращенного по рационализации (кругом двойная нагрузка).

БРОНЗОВЫЕ ВОЛОСЫ — у секретарши (прическа фокстрот).

МЕДНЫЙ ЛОБ — у головотяпов.

МЕДНАЯ ГЛОТКА — у газетчиков (встречается более всего в юношеском возрасте).

ЛУЖЕНАЯ ГЛОТКА — у пьяниц.

ЛУЖЕНЫЙ ЖЕЛУДОК — у посетителей Нарпита.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ГОЛОС — у теноров.

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ — ну, это, кажись, только у «Смехача», а так — редко.

ЗОЛОТЫЕ РУКИ — у каждого квалифицированного рабочего.

ЗОЛОТЫЕ ЗУБЫ — у нэпманов, преимущественно...

... На кой чорт ваш врач с его железом?

Неужели вас природа ничем не наградила, и вы не подходите ни под одну из этих статей?

И. З—н.

МОДНОЕ СЛОВЦО

Рис. Б. Ефимова

— Официант! Эта свинина мне не нравится!
— Ишь ты, самокритику подпущает!

ЛИТЕРАТУРНАЯ „СМЕХАЧИНА"

В этом номере, вместо прежней нашей бытовой «Смехачины», мы даем **литературную.**

В следующих номерах будут помещены «Смехачины» — исторические, астрономические и др.

Наиболее остроумные ответы на каждую из этих «Смехачин» будут напечатаны в «Смехаче» с фамилиями авторов, **а за три премированных ответа** *будут выданы награды книжками, одобренными и рекомендованными.*

1. Над чьими рассказами вы крепче всего заснули?

2. После какого романа вы решили не делаться писателем?

3. Когда вы думаете сделаться классиком? Каким?

4. Почему вы не пишете и где вас не печатают?

5. Кто самый неграмотный из ваших знакомых и почему?

6. Пишете-ли вы стихи без размера и содержания или наоборот — без содержания и размера?

7. Кто у кого и откуда это видно?

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

«За живого человека в литературе» — так называется только что вышедшая в издательстве «Федерация» книга критических статей В. Ермилова.

Вот — красочная характеристика знаменитого писателя Р. Киплинга, принадлежащая перу В. Ермилова:

Романтика Киплинга, конечно, чужда каких бы то ни было феодально-дворянских элементов не только потому, что он — поэт американской буржуазии...

Борющийся «за живого человека в литературе» автор книги ошибся: *американец* Р. Киплинг— не живой человек в литературе.

Мы знаем *англичанина* Р. Киплинга.

Колумб открыл Америку.

В. Ермилов открыл американского писателя Киплинга.

Каждый открывает, что может...

★

Из сборника стихотворений Анатолия Наля «Поэт»:

Я, право, не рожден солдатом,
Но тут и я готов постичь
Перед Казбеком, стоя рядом,
Его воинственную дичь.

Не понятно только, зачем такую д и ч ь понадобилось в срочном порядке издать московскому цеху поэтов?

★

В номере 165 от 17 июня «Вечерняя Красная Газета» информирует своих читателей:

В ЛАТВИЮ НА ГАСТРОЛИ
Центропосредрабисом организована поездка на пятнадцать спектаклей в Латвию (Ковно) артистов Академической драмы.

Заведующего театральным отделом газеты, не знающего о том, что Ковно находится не в Латвии, а в Литве, следовало бы тоже отправить — «за границу» редакций, работающих под лозунгом культурной революции...

★

Чрезвычайно интересное признание находим у поэта Г. Петникова (журнал «Звезда», № 5):

Кто же первый учил по складам рассказать
О простом, как крутой поворот млина,
Но я иволгам прямо скажу в глаза —
Это ваша учоба — владеть пером,
Я и рифму у вас же подслушал и взял.

Каждая уважающая себя иволга, узнав об этом, скажет Г. Петникову:

— И как не стыдно говорить такое, да еще прямо *в глаза!* Мы, иволги, владеем пером куда лучше тебя! Разве «глаза» и «взял»— рифмы? Мы уже не говорим о неудачном обороте «поворот млина»!..

Нет, мы, квалифицированные иволги, категорически отказываемся признать тебя нашим учеником!..

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Радиограмма из Мадрида извещает, что испанский диктатор Примо-де-Ривера проводит реформу боя быков в сторону приспособления его к эпохе. По нашему предложению суть этой реформы заключается в следующем:

1) Беспартийные быки, не записанные ни в одну фашистскую организацию, на арену не выпускаются, а убиваются заранее и выносятся уже в тушеном и жареном виде.

2) По праздникам быков заменяют ослы. Если торреадор убьет осла, — торреадора сажают в тюрьму за политическое убийство. А если не убьет — осел уходит в диктаторы!..

ОТЦЫ И ДЕТИ

А. Толстой и П. Щеголев, авторы «Заговора императрицы», сильно прогадали на Распутине.

Оказывается, что на нем можно заработать гораздо больше, чем это кажется с первого взгляда:

«Дочь Распутина, находящаяся в эмиграции, возбудила дело против быв. князя Феликса Юсупова и быв. великого князя Дмитрия Павловича, обвиняя их за убийство Григория Распутина. Соловьева (нынешняя фамилия дочери Распутина) требует возмещения в размере 25 миллионов франков».

Вот только после такого иска начинаешь понимать, почему наиболее почтительные дети начинают свои письма так:

— Мой бесконечно д о р о г о й папаша!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ТИХИЙ УЖАС

В погоне за идеологическим обоснованием своих спектаклей, — театральная дирекция города Юрьева-Польского выпустила такую афишу:

> *ВСЕМ! ВСЕМ! ГРАЖДАНАМ ГОРОДА ЮРЬЕВА-ПОЛЬСКОГО.*
>
> *В последнее время исключительный интерес и восторг вызвала драма Канадского писателя Гурьядека.*
>
> *КТО ВИНОВАТ?*
>
> *«СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ» в 4 действиях.*
>
> *Первое действие.*
>
> *Невежество в половом вопросе — преступление.*
>
> *Второе действие.*
>
> *Борьба между долгом и чувством.*
>
> *Третье действие.*
>
> *Зарази, — но скрой!*
>
> *Четвертое действие.*
>
> *Возмездие. Гибель детям, позор отцам.*

Торжественый выход в Юрьеве-Польском этой афиши сопровождался радостным сонмом зазывательных листков:

Пьеса настолько хорошо написана, что вызвала у целого зала зрителей крики ужаса.

Подобного рода афиши не раз уже вызывали у граждан не только крики ужаса, но и понятное возмущение. Однако, к сожалению, эти крики до сих пор театральными дельцами не услышаны.

Очевидно, кричат мало! Нужно и ногой топнуть, и ударить кулаком по столу.

А еще лучше, пожалуй, ударить столом по театральным кулакам, до сих пор опутывающим провинцию торгашеской паутиной.

КАННСКИЕ... «ВРЕДИТЕЛИ»

«Вредительство» каннских кооператоров целиком укладывается в несколько строк откровенно вынесенного ими постановления:

«Зав. магазином № 2, зав. мясной лавкой и завхозу принять меры к возможному затоплению магазина № 2, мясной лавки и мясного склада в предстоящем весеннем наводнении, в частности — затоплению сахара и мяса в подвалах».

По сведениям «Советской Сибири», катастрофы удалось избегнуть: сахар и мясо были спасены только потому, что исполнители этого постановления оказались более грамотными, чем составитель протокола. Меры были приняты не к затоплению, а к предупреждению затопления.

Каннским кооператорам не мешало бы также принять меры к установлению плотин против моря циркулярной безграмотности.

БОДЛИВАЯ КОРОВА

Мы до сих пор считали, что контр-революция, также как и седло, корове не к лицу...

Приказ, изданный по бердской хлебопродуктовой мельнице № 200, приписывает коровам контр-революционные планы.

«Принимая во внимание, что коровы контрабандным путем пожирают сено у крестьян, привозящих хлеб, запретить таковым унаследованные ими прогулки по мельничному двору.

Неисполнение этого приказа будет рассматриваться, как преступление перед советской властью, граничащее с контр-революцией»...

В самом деле, гражданки коровы, не можете ли вы для своих «унаследованных прогулок» найти подальше закоулок?! О-с-сади назад!!...

„ГЕРОЙ"

Рис. А. Р.

— Смотрю: человек в воде барахтается. Живо стянул я костюм и как нырнул.
— На самое дно?!
— Зачем? В толпу, с его костюмом!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

ЖЛОБИН — ЧЕ-КУ.

«...Если я вступлю в сотрудники «Смехача», то выдадут-ли мне свидетельство на право вступления в профсоюз»...

Попробуйте сначала зарегистрироваться на бирже труда. Когда вы понадобитесь «Смехачу», — мы пошлем вам вызов... Ждите с нетерпением! Пока...

АРЗАМАС — КОЗОВУ.

«Я проснулся на постели,
Потянулся и зевнул,
Петухи давно пропели...
Луч в окно мне подмигнул!».

Если этот луч подмигнул вам, чтобы вы послали свои стихи в «Смехач» — просим в следующий раз не стесняться с этим лучем... он — в окно, а вы его из окна.

МОЖАЙСК — ЖАРОВУ.

Стихи пойдут... Присылайте еще... Не плохо!

ОРЕЛ — ЛЕВИНУ.

«Я давно не видал «Смехача». Пришлите парочку номеров для ознакомления».

Высылаем воздушной почтой... Вылетайте навстречу! Не пожалеете...

РАБКОРЫ! СМЕХКОРЫ!

КАЖДАЯ СТРАНИЦА „СМЕХАЧА" — ТРИБУНА ДЛЯ САМОКРИТИКИ.

ЧИТАТЕЛИ, РАБКОРЫ, СМЕХКОРЫ! ВЫ ХОЗЯЕВА ЭТОЙ ТРИБУНЫ!

ВСЕ ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, РАЗОБЛАЧЕНИЯ НАПРАВЛЯЙТЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО В РЕДАКЦИЮ „СМЕХАЧА", МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 28, С УКАЗАНИЕМ НА КОНВЕРТЕ: „ОТДЕЛ ТРИБУНА".

Издатель — «ГУДОК». Ответственный редактор А. Богдасаров.

Главлит № А16338. МОСКВА. Тираж 100.000 экз.

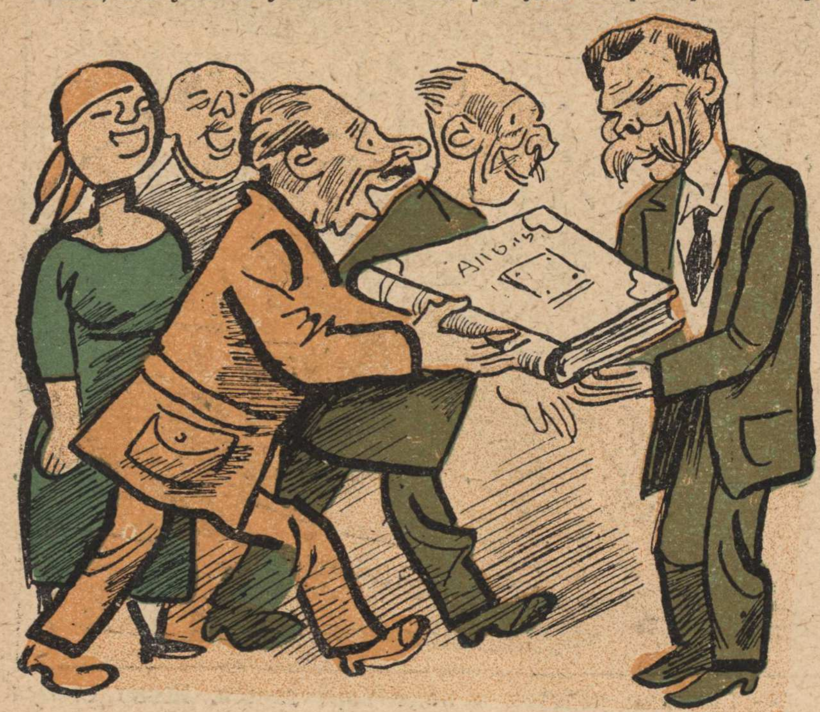
Тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7.

Рис. А. Радакова

ПЕСНЯ ОБ АЛЬБОМАХ

Текст М. Пустынина

... Всполошились профсоюзы, клубы браво подтянулись: то полы натрут мастикой, то с плакатов пыль стирают... Скатерть красная — готова, и в уста из уст несется: «Скоро будет вечер встречи! Скоро Горький к нам приедет!..».

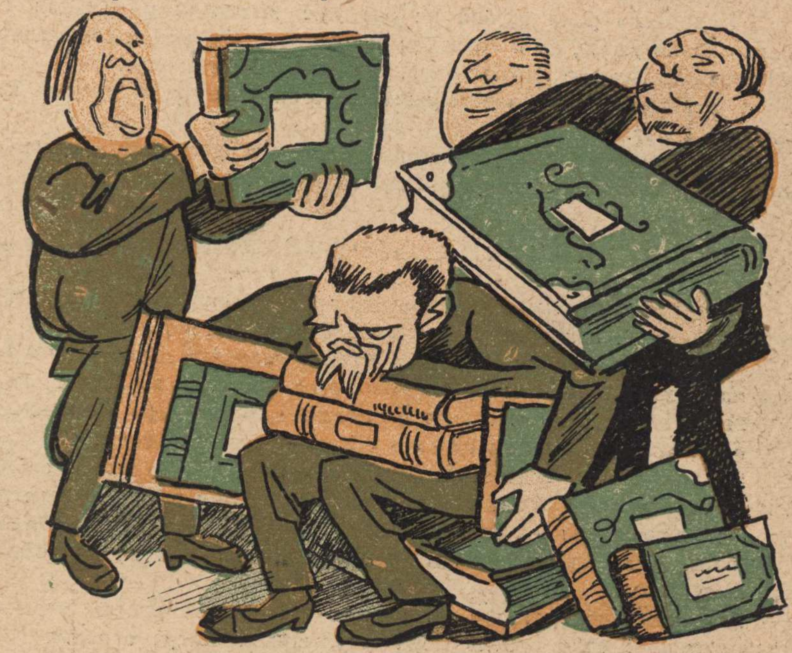
1. Гость приехал. Гром приветствий... Гость устал от слов парадных... И стоит на сцене Горький, вобле вяленой подобный... — «Дорогой наш буревестник! От текстильщиков прими ты этот скромный наш подарок!» И — альбом ему вручают...

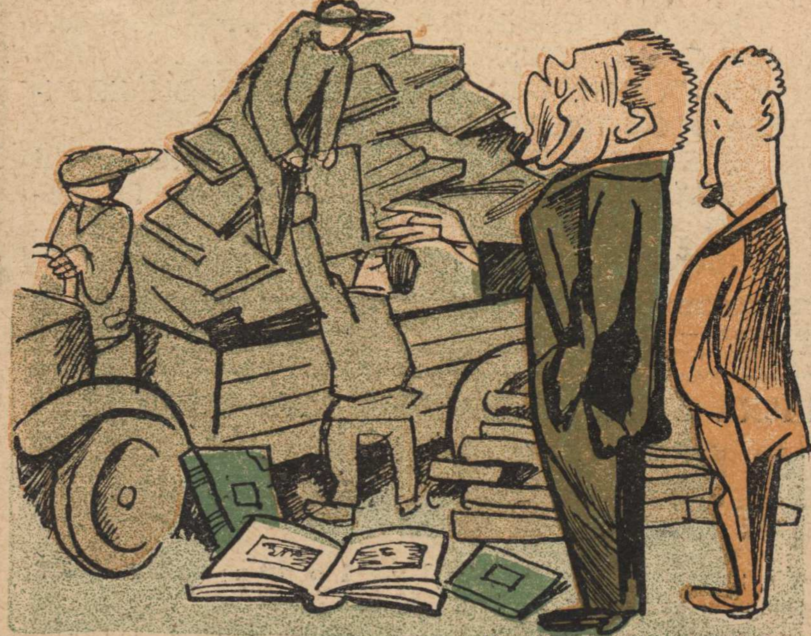
2. ... Снова гром рукоплесканий. Новый клуб, но речи те же: — «Ты не езди, друг, к фашистам! Смачно плюнь ты на Сорренто! Оставайся лучше с нами... Дорогой наш буревестник! От печатников прими ты этот скромный наш подарок!..».

3. ... Вот альбом в три пуда весом, вот альбом пищевиковский, металлистный, совторгслужный, медсантрудный, всерабпросный... И течет поток альбомный, словно лава из вулкана... И под бременем альбомов гость сгибается все ниже...

4. ... Вновь гремят аплодисменты. Раздаются снова речи. За оратором оратор выступают... Кислый Горький под горой сидит альбомов, как под грудою развалин... Грузовик здесь срочно нужен, чтоб «поднять» альбомы эти!

5. ... Грузовик примчался мигом, чтоб забрать альбомов груду. — Чуть не треснула машина! Чуть не лопнули колеса!.. Горький счастлив: он не гнется под Везувием альбомным... Со спины гора свалилась! Горький снова бодр и весел!..

6. ... Только что это за группа приближается с альбомом?! И кричит в испуге Горький: — «Буря! Скоро грянет буря!..» Буря — грянула — он слышит: — «Дорогой наш буревестник! От нарпитчиков прими ты этот скромный наш подарок!..».